

**Комментарий главного редактора журнала «Вопросы психолингвистики»
Е.Ф. Тарасова к статье А.А. Яковлева**

Журнал «Вопросы психолингвистики» публикует статью нашего постоянного автора А.А. Яковлева «Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории», которую редколлегия приветствует как одну из наиболее компетентных попыток разобраться в достаточно трудной проблеме языкового сознания.

Редакция журнала, не во всем соглашаясь с автором, публикует статью А.А. Яковлева, но позволяет себе сделать к ней небольшой комментарий.

В кратком виде основные положения статьи А.А. Яковлева сводятся к следующему в понимании автора комментария, который отдает себе отчет в том, что понимание концепции автора статьи осуществляется реципиентом-комментатором и представляет собой рецепцию авторского замысла. При изложении содержания статьи комментатор ограничился только некоторыми пунктами авторской концепции, которые представляют общий интерес.

Первый тезис автора статьи, который стал объектом комментирования – это его сочувственное отношение к тезису об индивидуальной форме существования языкового сознания.

Второй тезис, нуждающийся в комментариях – это утверждение, осуществленное со ссылкой на Л.С. Выготского, о том, что «язык и есть сознание, точнее одна из форм его существования».

Третий тезис – «языковое сознание является не конкретным предметом познания, а понятием теории».

Утверждение, что языковое сознание относится к индивидуальному сознанию, нужно понимать только в том смысле, что оно индивидуально по форме своего существования: сознанием может обладать только человек, имеющий тело, снабженное перцептивными органами. Но, с другой стороны, человек образы сознания формирует в процессе деятельностного овладения предметной и деятельностью (операции деятельности) формами этнической культуры, кроме, естественно, образов сознания, транслируемых генетическим путем. Именно этническая культура, в определенной степени, единая для всех носителей конкретного языка и культуры, создает общность знаний, которые, будучи ассоциированы с телами языковых и неязыковых знаков, формируют предпосылку для взаимопонимания в ходе производства и восприятия знаковых сообщений.

Очевидно, что каждый член современного этноса не может присвоить всю культуру – он овладевает только тем фрагментом своей культуры, необходимость усвоения которой обусловлена деятельностями, которые он осуществляет в ходе бытования в своей этнической культуре. Вероятно, также и в этом смысле можно говорить об индивидуальном сознании каждого носителя этнического языка.

Таким образом, языковое сознание, как и неязыковое сознание является индивидуальным по способу существования, а также как результат движения каждого члена этноса по исторической траектории своей жизни, которая обуславливает фрагмент культуры этноса, присвоенный личностью. Но гораздо более важной характеристикой языкового сознания является общность, которая объединяет всех носителей конкретной этнической культуры.

Теперь обсудим тезис автора статьи, который он формирует, опираясь на мысль Л.С. Выготского о том, что «язык и есть сознание, точнее одна из форм его существования». Можно согласиться без особых натяжек только со второй частью этого утверждения: действительно, язык, точнее вербальные модели образов сознания, это только часть сознания, в котором целесообразно различать языковое и неязыковое сознание.

При анализе функционирования языкового и неязыкового сознания необходимо учитывать, в каком процессе жизни человека исследуется роль языкового сознания: в филогенезе (в процессе формирования человеческого сообщества), в онтогенезе (в ходе становления психики отдельного человека) или в актуалгенезе (в конкретной познавательной деятельности, которую можно описать как движение от первого пока нерасчлененного впечатления о воспринятом объекте к полноценному личностному переживанию).

Роль языкового сознания в филогенезе вполне адекватно представлена в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, продолжавшего разработку идей Л.С. Выготского, и в концепции Э.В. Ильенкова об идеальном. А.Н. Леонтьев, развивая идею Л.С. Выготского о культурной детерминации психики человека, настаивал на том, чтобы понимать сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире» [Леонтьев 2012: 96]. Другими словами, содержание неязыкового сознания человека составляют деятельностно освоенные и, следовательно, понятые предметы с их качествами, вскрытыми в процессе их деятельностного освоения. Языковое сознание позволяет обществу, вооруженному результатами предыдущей познавательной деятельности, категоризировать новые знания при помощи языковых средств, ассоциированных со знаниями общества, добытыми в прежних деятельности носителей конкретной этнической культуры. Функция языкового и неязыкового сознания для общества – закрепить результаты деятельностного освоения мира в телах языковых знаков, с которыми ассоциированы образы познанных объектов, и в форме культурных предметов, в которой застыли деятельности по их изготовлению.

В онтогенезе человек, рожденный в современную ему культуру и деятельностно осваивающий ее в ходе социализации и инкультурации, использует язык, чтобы выйти за пределы конкретного акта восприятия в культуру: обозначая словом сформированный перцептивными органами и опознанный при помощи наличных образов сознания чувственный образ, субъект сознания вводит в познавательный процесс знания, ассоциированные со словом.

В актуалгенезе субъект познания для идентификации сенсорной массы, составляющей содержание чувственного образа, в качестве перцептивного эталона использует образы неязыкового сознания, а также образы языкового сознания, во-первых, для вербальной категоризации, расширяющей познавательную базу, и, во-вторых, для овнешнения сформированных знаний в случае речевого общения.

Таким образом, в филогенезе сознание существует для общества в ментальной форме в телах носителей культуры и в виде субстанции – в культурных предметах, в форме которых закрепились родовые качества человека, передаваемые от одного поколения к другому в процессах их опредмечивания и распределмечивания.

В онтогенезе субстанциональная предметная форма сознания служит объектом распределмечивания, в ходе которого формируются навыки изготовления культурных

предметов и образы неязыкового сознания, содержанием которых являются знания о субстанции, функциях и знаковых свойствах культурных предметов, а также знания (иногда умения и навыки) об изготовлении и потреблении культурных предметов. Формируемые при деятельностном присвоении этнической культуры образы неязыкового сознания становятся содержанием языковых знаков, т. е. содержанием образов языкового сознания, которое субъекты сознания используют для дальнейшей категоризации неязыковых знаний.

Строго говоря, при восприятии слова в речевом сообщении реципиент имеет дело с телом языкового знака как культурным предметом, с этим телом знака ассоциированы знания о его звуковой или графической субстанции (фоносемантическое значение тела знака), знания о его артикуляции (т. е. знания о правилах производства звуков как предметов определенной этнической культуры) или написании (т. е. знания о правилах написания графем), знания о правилах употребления языковой единицы в речевой цепи, знания ассоциированные с телом знака и называемые значением слова, и, наконец, знания о предмете, обозначенном словом (т. е. знания, сформированные при восприятии объекта и существующие для коммуникантов виде образа неязыкового сознания).

Напрашивается неизбежный вывод, что языковое сознание – это не все знание, а только та часть знаний, которая используется для идентификации новых объектов, воспринимаемых постоянно людьми, осуществляющими деятельности, преимущественно в форме совместной деятельности.

Экзистенциальные причины вынуждают людей воздействовать на объекты реальной действительности, ориентироваться в ней, используя свои знания, ведущие в актуалгенезе от образов неязыкового сознания к вербальной категоризации при помощи образов языкового сознания, т. е. «от пока нерасчлененного впечатления о воспринимаемом объекте к полноценному личностному переживанию», как мы упоминали выше.

Теперь перейдем к комментированию тезиса автора статьи «языковое сознание является не конкретным предметом познания, а понятием теории».

Для развертывания комментария необходимо уточнить понятия «предмет исследования».

В предмете исследования зафиксирована совокупность свойств изучаемого объекта, описанная при помощи определенных логических и знаковых средств. Структура предмета в своем составе имеет следующие элементы: история изучения объекта исследования, существенные свойства объекта, зафиксированные законы развития объекта, методы исследования. Различают уровни предмета исследования: эмпирический уровень, где зафиксированы изученные факты, относящиеся к объекту, свойства и связи изучаемого объекта; теоретический уровень, содержащий описание эмпирического материала [Новиков А.М., Новиков Д.А. 2010: 118-119].

Сознание – это, по мнению В.П. Зинченко «идеальная форма отражения, воспроизведения, порождения действительности, что не мешает ей быть реальной, объективной, бытийной, т. е. участвовать в бытии [Мещеряков, Зинченко 2009: 625].

Как форма отражения реальной действительности человеком сознание является объектом психологии сознания (а также философии и социологии), которая формирует свой предмет, пытаясь вскрыть закономерности развития и функционирования способности человека отображать и, что нас интересует прежде всего – порождать дей-

ствительность. Языковое сознание интересует, прежде всего, психолингвистов в связи с проблемой оречевления говорящим содержания высказывания, сконструированного на предыдущем этапе производства речевого высказывания при помощи образов неязыкового сознания. При восприятии речи происходит обратный процесс: содержание речевого сообщения конструируется из значений лексических единиц с опорой на грамматическое оформление речевой цепи и отображается в сознании реципиента при помощи образов неязыкового сознания.

Можно вполне определенно утверждать, что языковое сознание имеет свою объектную (процессы производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения) и предметную области:

– существенные свойства объекта – культурная детерминация образов языкового и неязыкового сознания, интерсубъективность образов сознания, наличие соответствия между языковыми и неязыковыми образами сознания, но отсутствие в большинстве случаев одно однозначного соответствия между ними же и др.;

– история изучения объекта – работы В.П. Зинченко, С.Д. Кацнельсона, М.К. Мамардашвили, А. А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, Э.С. Полякова, Е.Ф. Тарасова и др.

В конце несколько слов о том, является ли языковое сознание просто понятием. Естественно, языковое сознание имеет понятийное определение, но существующее в определенной структуре, которую пока можно, вероятно, назвать только концепцией, а не окончательно сформированной теорией.

Этот комментарий – первый опыт такого рода. Мы постарались бережно относиться к мыслям автора, пытаясь только сделать несколько шагов по направлению к истине.

профессор *Е.Ф. Тарасов*

Литература

Большой психологический словарь. 4-е изд. расширенное / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811, [5] с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Книжный дом «Либерком», 2010. 280 с.